Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Насилие и революция
25 августа 1921

Umanità Nova, год 2-й, № 115

ru.anarchistlibraries.net

Насилие и революция

Эррико Малатеста

25 августа 1921

О МОЁМ ПРОЦЕССССЕ

––––––––––

II.

Насилие и революция

Недавно автор, подписывавшийся в *Avanti!* псевдонимом *Скамполиста*, писал: «*Анархисты, согласно также последним заявлениям Эррико Малатесты, не являются сторонниками насилия и не ставят своей целью организацию революционной силы для насильственного преобразования капиталистического общества…*».

Из какого отчёта о миланском процессе можно вообще вывести, будто я не стремлюсь к организации революционной силы для насильственного преобразования капиталистического общества?

Анархисты против насилия. Это общеизвестно. Центральная идея анархизма – устранение насилия из общественной жизни; организация общественных отношений,

основанная на свободной воле индивидов, без вмешательства жандарма. Поэтому мы враги капитализма, который принуждает, опираясь на защиту жандармов, рабочих позволять эксплуатировать себя владельцам средств производства или даже оставаться праздными и терпеть голод, когда хозяева не имеют выгоды их эксплуатировать. Поэтому мы враги государства, которое есть принудительная организация, организация насилия, насилия над обществом.

Но если порядочный человек говорит, что считает глупым и варварским делом доказывать что-либо палкой и что несправедливо и злобно принуждать одного исполнять волю другого под угрозой револьвера, разве разумно выводить из этого, что этот порядочный человек намерен дать себя избить палками и подчиниться чужой воле, не прибегая даже к самым крайним средствам защиты?

Я сказал в Милане то, что я сам и все анархисты повторяли тысячу раз: «Насилие оправдано только тогда, когда оно необходимо для защиты себя и других против насилия. Где прекращается необходимость, начинается преступление». И если бы государственный обвинитель дал мне возможность изложить в конце процесса, каковы наши цели и наши средства, я доказал бы, что раб всегда находится в состоянии правомерной обороны и что поэтому его насилие против хозяина, против угнетателя всегда морально оправдано и должно ограничиваться только критерием полезности и экономии – то есть минимизации – человеческих усилий и страданий. Это тоже вещь, тысячу раз повторённая всеми анархистами.

Нынешний режим несправедливости и угнетения держится на насилии, на грубой силе штыков и пулемётов, и поскольку индивидуальный бунт, хотя и хорош и полезен, когда применяется разумно, вообще бессилен против ко-

лоссальной силы государства, необходима организация революционной силы, достаточной для достижения цели.

Но как же так: социалисты, которые столько раз наперебой с королевским прокурором изображали нас сторонниками слепого насилия и почти не видели в анархизме ничего, кроме систематического насилия, – сегодня вздумали изображать нас пацифистами, которые ждут, что капиталистический режим тихо и мирно сойдет на нет сам собой?

Истина в том, что *Скамполиста* опьянён идеей «диктатуры пролетариата» и не мыслит революции без означенной диктатуры. А поскольку мы против этой диктатуры, которая есть одновременно угнетение пролетариата и издевательство над ним со стороны вождей (я сказал бы *мелкобуржуазных*, если бы любил язык этой школы), со стороны, говорю я, вождей партии, которым удаётся господствовать и *душить* революцию, – *Скамполиста* выводит из этого, что «*анархисты не ставят своей целью организацию революционной силы для насильственного преобразования капиталистического общества*».

А ведь *Скамполиста* должен был бы знать, что желание или нежелание делать революцию – революцию вооружённую, насильственную – всегда было главной причиной наших разногласий с социалистами, которых мы обвиняли в том, что они охотно говорят о революционной подготовке, но на деле противятся всякому возможному движению, усыпляя массы реформизмом, соглашательством и парламентаризмом вообще.

Помилуйте, пусть *Скамполиста* борется – спокойно или нет – с нашими идеями; но пусть не заставляет нас говорить противоположное тому, что мы думаем и говорим.

Эррико Малатеста

_____

Карло Скарфольо, которого я назвал бесстыдным лжецом до смешного, отвечает: «Я цитировал письмо Малатесты. Ложь, если она есть, – на совести того, кто написал письмо».

Но кто написал письмо? Вернее, существует ли действительно это письмо, из которого следовало бы, будто я обещал английскому правительству оставаться тихим, если оно оставит в покое анархистов?

Я отрицал это самым решительным образом (тогда как Скарфольо лживо утверждает, будто я не отрицал факта) и потребовал опубликовать письмо, которое, по словам Скарфольо, будто бы появилось в английской газете The Daily Mail.

Пусть Скарфольо опубликует его, если может; и тогда мы поищем, кто фальсификатор.

Пока же подтверждаю: Бесстыдный лжец до смешного.

Тот же Скарфольо, призывая осадное положение, говорит, что гражданская юрисдикция абсолютно некомпетентна в политических делах, и доказывает это примером миланских присяжных, которые нашли, что директор Umanità Nova *не совершил подстрекательства к преступлению, тогда как управляющий его газетой совершил.*

Нет, сударь: Малатеста был оправдан присяжными, тогда как управляющий, товарищ Пальяи, был осуждён профессиональными судьями. Разница существенная: присяжные не имеют карьерных интересов, которые надо охранять, не зависят от правительства и, даже будучи буржуа, живут среди людей и испытывают – к добру и к худу – влияние народной среды. Судьи же испытывают влияние тех, кто стоит у власти.

Э. М.